

E40-
8

Д. НОРИЦЫН

РЕВОЛЮЦИЯ
НА
МОРЕ

РД 47 E408
С.С.С.Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Д. НОРИЦЫН

898

РЕВОЛЮЦИЯ НА МОРЕ

1. Потемкинское восстание
2. Севастопольское восстание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925

★
ГОСУДАРСТВЕН-
НОЕ ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№ 1141.

Доноблит № 4635.

Тираж 20.000.

Заказ № 383.

ПЕРВАЯ
ГОСУДАРСТВЕН-
НАЯ ТИПО-
ГРАФИЯ Д. П. Б.

Ростов на Дону,
Московская ул., 85

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОСС

№

г.

№ 25755

10-III 1925

БИБЛИОТЕКА

ВВЕДЕНИЕ.

9 января 1905 года царь Николай II расстрелял питерских рабочих, которые шли к нему, чтобы рассказать о своей каторжной жизни и просить у него защиты от произвола хозяев и полицейских чиновников.

После этого рабочие во всех городах начали готовиться к тому, чтобы свергнуть царя с его чиновниками и полицией.

По всей стране рабочие устраивали забастовки, добывали оружие и создавали боевые дружины.

В то время была война с Японией, очень неудачная для царского правительства. Тяжелая война целиком ложилась на плечи трудящегося народа. Крестьянство было задавлено непосильными податями, да арендой, которую приходилось выплачивать помещикам. Про рабочих в городах и говорить нечего: они до упаду работали на фабриках и заводах, а заработной платы не хватало детишкам на хлеб.

Вскоре революционное настроение из городов перекинулось и в деревню. Во многих местах крестьяне начали устраивать восстания

против помещиков, отнимать у них землю и сжигать помещичьи усадьбы. Царское правительство снарядило карательные отряды, которые под руководством офицеров из дворян, т. е. из тех же помещиков, занимались поркой и расстрелами непокорных крестьян.

Правительство царя Николая держалось только штыками, да нагайками. Поэтому военные начальники заботились только о том, чтобы солдаты и матросы бы и послушны своему начальству, исполняли бы его приказания даже в том случае, когда начальство прикажет стрелять в своих братьев и отцов.

Чтобы революционный дух не проник в армию, солдат запирали в казармах, запрещали им читать газеты и разговаривать со штатскими (не военными) людьми.

Словом, начальство принимало все меры к тому, чтобы скрыть от солдат правду о том, что творилось за стенами казарм.

В старой царской армии тоже был свой „политчас“. Но только этот политчас ничем не был похож на наш. У нас на политчase красноармеец учится понимать кровное родство Красной армии с трудящимися, т. е. с рабочими и крестьянами.

На политчase красноармеец узнает: почему Красная армия должна защищать Советскую власт, почему рабочие и крестьяне свергли царя и прогнали помещиков и капиталистов.

Совсем не то было в старой царской армии. Там каждый день солдат заставляли зубрить так называемую „словесность“—что солдат есть слуга царю и отечеству, что он защищает веру, царя и отечество от врагов внешних и внутренних. А внутренними врагами считались все те, кто боролся против насилия помещиков, фабрикантов, урядников, земских начальников и вообще против царской своры.

Но почему рабочие и крестьяне, которые борются против самодержавного строя—есть внутренние враги?—этого солдатам не об'яснили. Да и нельзя было об'яснять. Ведь тут потребовалось бы сказать, что рабочие и крестьяне потому борются против царского строя, что им живется очень тяжело, что они хотят устроить свою жизнь по своему, без царя, без помещиков и без капиталистов. Ясно, что такое об'яснение было бы не в пользу правительства. Поэтому волей-неволей приходилось ограничиваться заучиванием наизусть пустых, ничего не говорящих слов о „врагах внешних и внутренних“. Недаром и самые занятия по заучиванию этих слов назывались „словесностью“.

Однако, как ни старалось начальство отгородить армию от населения казарменной стеной, а слухи о волнениях среди крестьян и рабочих все-таки доходили до солдатской массы. Солдаты и матросы сознавали свою

кровную связь с трудящимися массами, они также были озлоблены против своего начальства и против царского правительства. В армии с каждым днем росло недовольство существующими порядками.

Да иначе и быть не могло.

Каждый солдат и матрос не был уверен в том, что он сегодня или завтра не получит страшную весть об убитом отце или брате. Каждому солдату, во время занятий, когда он брался за оружие, невольно приходила в голову мысль, что вот с этим самым оружием его в каждую минуту могут послать против своего брата, рабочего и крестьянина.

Благодаря такому настроению в войсках, главным образом, во флоте начали образовываться революционные кружки или маленькие группы из наиболее сознательных матросов.

Члены этих кружков собирались тайно от начальства в кочегарке, в трюме или в каком-нибудь другом укромном месте. Здесь они обсуждали политические вопросы и говорили о том, как трудно живется рабочему и крестьянину.

Чем дальше, тем больше становилось таких матросских революционных организаций и чем дальше, тем больше они загорались желанием скорей покончить с царскими порядками.

ПОТЕМКИНСКОЕ ВОССТАНИЕ.

(Составлено по воспоминаниям *А. Коваленко*, участника потемкинского восстания)*).

14 июня 1905 г.

В Черноморском флоте находился один броненосец, который назывался „Князь Потемкин Таврический“. Такое название он носил в честь одного придворного—князя Потемкина, который служил при Екатерине II и состоял у нее одно время любовником.

Этот броненосец был лучшим военным судном в Черноморском флоте.

Вечером 13 июня на миноносце № 267 было привезено из Одессы мясо для команды „Потемкина“, который в это время находился в 130 верстах от Одессы на практической стрельбе. На другой день утром матросы увидели, что мясо тухлое и сплошь покрыто червями. Вся команда заволновалась и заявила, что она не будет есть тухлое мясо.

Старший врач судна доложил командиру, что червей можно смыть соленой водой и после этого мясо пустить в пищу.

*) „Былое“—1907 г.

Когда наступил час обеда,—матросы отказались брать борщ с червяками, а стали есть хлеб и запивать водой.

Тогда командир броненосца собрал матросов и заявил им, что их поступок он считает противозаконным и что с зачинщиками прикажет расправиться, как с бунтовщиками.

После этого старший офицер Гиляровский выделил группу матросов в 37 человек и приказал их накрыть брезентом и расстрелять.

Вдруг из толпы раздался громкий и уверенный голос: „Братцы! Довольно терпеть. Ведь они хотят расстреливать наших товарищей!.. Бей их извергов!..“

— К оружию! — раздалось в ответ, и вся команда с криками: „ура! Да здравствует революция!“ бросилась к винтовкам. В это время старший офицер Гиляровский выхватил у часового винтовку и выстрелом из нее убил матроса Вакуленчука. И в тот же момент другой матрос застрелил самого Гиляровского.

Группа вооруженных матросов открыла стрельбу по убегающим офицерам. Многие офицеры начали бросаться в море.

Мичману Макарову удалось доплыть до миноносца, который стоял у кормы „Потемкина“. Макаров рассказал командиру миноносца о всем случившемся на „Потемкине“. Тогда командир снял миноносец с якоря и быстро направился в море.

Видя это, матросы с „Потемкина“ дали несколько пушечных выстрелов по миноносцу и сбили у него трубу. После этого миноносец возвратился и причалил к борту броненосца „Потемкин“.

Командир миноносца и мичман Макаров были приведены на палубу броненосца, где, однако, им не было причинено никакого вреда. Командир броненосца—капитан Голиков, которого нашли в адмиральской комнате, был введен матросами на палубу и немедленно расстрелян.

Старшего врача нашли в его каюте с проколотым животом.

Всего убитых во время восстания офицеров было 7 человек. Остальных офицеров одного по одному отыскивали в разных углах броненосца и отвели под караул.

К вечеру на следующий день броненосец под красным флагом пришел к Одессе и стал якорь. К этому времени команда выбрала своей среды революционный комитет, во главе которого был матрос тов. Матюшенко.

Братание революционных матросов с рабочими.

В то время, как матросы на „Потемкине“ справлялись со своими офицерами и устанавливали свою власть, одесские рабочие же не дремали. Вот уже полтора месяца

тянулась непрерывная забастовка, то на одном, то на другом заводе или фабрике. 14 июня, т. е. в день восстания на „Потемкине“, эта забастовка вылилась во всеобщую.

В этот день забастовали сразу все фабрики, заводы, почта и телеграф. На улицах Одессы происходили непрерывные стычки рабочих с полицией и казаками. Причиной забастовки было кровавое столкновение рабочих с полицией 13 июня во время уличной демонстрации. Тотчас же после этого столкновения командующий войсками одесского военного округа стал стягивать в город войска для того, чтобы расправиться с забастовщиками. На многих улицах Одессы рабочие строили баррикады, готовясь к решительному бою.

Когда рабочие узнали о восстании на „Потемкине“, то ликование их не было границ. Теперь замыслы военных начальников им были не страшны. Они знали, что одного снаряда, пущенного „Потемкиным“ по генеральскому дому, будет достаточно для того, чтобы заставить губернатора отказаться от расстрела рабочих.

Как только „Потемкин“ стал у Одессы на якорь, от берега к нему стали направляться шлюпки и яхты, на которых трудящиеся Одессы приезжали приветствовать восставших матросов.

Там были мужчины и женщины, старые и подростки, рабочие и учащая молодежь. Из многих шлюпок передавали на броненосец: табак, папиросы, чай, сахар и другие предметы. У трапов и на палубе оживление росло все больше и больше. Одни шлюпки уходили, другие причаливали; выгружались разные пакеты, ящики и просто узлы с подарками. Отовсюду неслись приветственные возгласы: „да здравствует свободный „Потемкин“! „Да здравствуют свободные моряки“! С палубы то и дело раздавалось в ответ мощное „ура“!

Тело убитого матроса Вакуленчука свезли в Одессу и там рабочие стали готовить ему торжественные похороны.

Как-то вечером внимание матросов было привлечено пароходом,—очевидно угольщиком,—который медленно двигался по направлению к броненосцу. На мостике стоял капитан, а вся палуба была усеяна рабочими, которые еще издали приветствовали матросов, махая фуражками.

Когда же пароход приблизился на расстояние человеческого голоса, воздух огласился дружными восклицаниями рабочих и матросов.

— Да здравствует „Потемкин“!—неслось с парохода.

— Да здравствует революция!—гремело на броненосце.

— Да здравствуют восставшие моряки!

— Да здравствует рабочий народ!

И все это сопровождалось могучим „ура“, несмолкавшим до тех пор, пока пароход не стал борт—о—борт к „Потемкину“.

Когда рабочие сошли на палубу, то тут произошла трогательная сцена: рабочие и матросы обнимали друг друга, крепко жали руки. На глазах у некоторых заметны были слезы. Это были слезы радости, по случаю первой революционной победы.

На пароходе рабочие доставили для броненосца 10 тысяч пудов угля, который был закуплен командой у одного пароходовладельца.

Как матросы встречали царских чиновников.

Через некоторое время от берега отошел военный катер *) и направился к броненосцу. Когда катер подошел ближе, то матросы узнали на нем капитана над одесским портом. Караул с „Потемкина“ направил на него свои винтовки, и тогда катер быстро повернул и пошел обратно.

Спустя немного времени к броненосцу направился другой катер, на котором сидели жандармы.

Вот катер подошел на расстояние человеческого голоса и быстро стал замедлять ход.

*) Катер—паровая шлюпка.

Вдруг с палубы броненосца раздался грозный голос:

— Жандармы!—оружие в воду!

Жандармы постепенно отстегнули шашки и бросили их в воду.

— Револьверы туда же!—послышался снова тот же голос, уже с оттенком насмешки, но попрежнему грозный.

При дружном хохоте на палубе жандармы дрожащими руками отстегнули револьверы и послали их за шашками.

— А теперь,—издевался все тот же голос,—кругом марш!

Катер дал ход и, круто повернувшись, стал быстро удаляться по направлению к городу, сопровождаемый свистом и насмешками развеселившихся матросов. После этого никто уже из представителей власти не пытался подходить к „Потемкину“ на расстояние пушечного выстрела.

Через некоторое время все арестованные офицеры были посажены на катер и отведены на берег. На броненосце остались по своему желанию: инженер-механик А. Коваленко, подпоручик Колюжанов, прапорщик Алексеев, которого команда выбрала в качестве командира судна, и младший врач Голенко. Алексеев и Колюжанов впоследствии оказались трусами, а врач Голенко вероломным изменником.

Кровавая ночь.

В ночь на 16 июня в Одессе произошли снова кровавые события. С вечера агенты—охранники собрали большую толпу бродяг и пропойц и стали ее призывать к еврейским погромам. Для того, чтобы легче было эту толпу вызвать на беспорядки, сначала ей дали возможность разгромить винную лавку и напиться пьяной. После этого пьяная толпа босяков бросилась на еврейские дома и лавки, а потом уже начала громить, разбивать и жечь без разбору все, что попало под руку. Некоторые тут же сбрасывали с себя свои лохмотья и одевали награбленное платье; ящики и бочки с вином и съестными припасами разбивались о мостовую и содержимое тут же пожиралось толпой.

На место погрома пришли рабочие и стали уговаривать погромщиков прекратить свое безобразие, но разбушевавшееся пьяное море в своем безумстве не знало удержа. Тогда рабочие стали унимать их силой. Но в это время прибыли войска и без разбора начали расстреливать толпу, в том числе и ни в чем неповинных рабочих. Раненые и убитые падали десятками. Обезумев от страха, некоторые бросались прямо в пламя и там сгорали. Воздух оглашался отчаянными стонами и дикими криками.

Всего погибших за эту ночь от огня и от солдатских пуль было несколько сот человек.

Этот бессмысленный погром был организован полицией для того, чтобы найти повод для расстрела рабочих. Начальство знало, что рабочие со дня на день готовятся к восстанию и что это восстание будет поддержано матросами с „Потемкина“. Но начальство не было уверено в том, что солдаты будут стрелять в восставших рабочих и матросов. Во всяком случае, часть войска наверняка перешла бы на сторону рабочих. Поэтому начальство и рассудило, что если при помощи бродяг устроить в городе погром и вину за это свалить на рабочих, то солдаты, увидя разрушения, обозлятся на рабочих и охотно будут в них стрелять.

На другой день после погрома Одесса была об'явлена на военном положении. В город беспрерывно стали прибывать войска. Полиция усиленно готовилась к избиению рабочих.

В этот же день были назначены похороны матроса Вакуленчука, убитого офицером в момент восстания на „Потемкине“. На похороны своего товарища команда броненосца выделила 12 человек, во главе с тов. Матюшенко. Можно было предполагать, что военные власти воспользуются похоронами для того, чтобы снова устроить рабочим кровавую баню.

Между тем на броненосце было получено известие, что в городском театре заседает военный совет; во главе с командующим войсками Одесского военного округа. На совете, по всей вероятности, разрабатывается план военных действий. Тут же около театра стояли войска в боевой готовности и ждали приказаний начальства. В некоторых частях города уже началась стрельба.

Положение одесских рабочих было угрожающим. Со стороны „Потемкина“ требовалась немедленная помощь.

На броненосце к тому времени постоянно находилось несколько представителей от рабочих, в том числе большевик тов. „Кирилл“ („Кирилл“ — партийная кличка).

Революционный комитет вместе с „Кириллом“ и другими рабочими устроили совещание, на котором было решено немедленно открыть с броненосца орудийный огонь по театру.

Тотчас же пробили боевую тревогу и комэндоры (артиллеристы) зарядили орудия. Один за другим раздались три холостых выстрела, предупреждающих мирное население. Через полчаса раздался сигнал „открыть огонь“. Грохнул выстрел, за ним другой и третий. С гулом понеслись снаряды по направлению города... Но театр, к сожалению, остался невредимым.

На броненосце до сих пор не было практической стрельбы, новые орудия еще не были пристрелены и поэтому снаряды не попали в цель. Тем не менее в войсках произошло большое смятение. Многие солдаты разбежались и бросили винтовки.

Выстрелы сделали свое дело и планы военного командования были расстроены, так как генералы уже не могли надеяться на свои войска.

На „Потемкине“, тем временем, было решено приостановить стрельбу и не открывать огонь до тех пор, пока не удастся достать подробного плана города и узнать точно расположение военных учреждений. Проиграли отбой и комендоры разрядили орудия. К командующему войсками было отправлено от команды заявление, в котором говорилось, что если не будет прекращена стрельба в рабочих на улицах, то командой „Потемкина“ будут приняты самые решительные меры.

После этого был послан паровой катер за двенадцатью товарищами, которые были на похоронах Вакуленчука.

Часов в девять вечера катер возвратился, но из 12 товарищей на нем приехало только девять,—трое остальных пропали без вести.

Вот что рассказал тов. Матюшенко о похоронах Вакуленчука и о приключениях 12 матросов в городе:

„Мне никогда еще не приходилось видеть столь торжественной картины, какую я видел на похоронах нашего дорогого товарища. Столько пролито было искренних слез в этом теле неизвестного дотоле матроса.

Когда мы вышли из катера, на берегу около тела Вакуленчука была, как и вчера, масса народа. Тотчас же несколько человек подняли носилки с телом, и многотысячное шествие двинулось в город по направлению к кладбищу. На улицах к нам присоединились все новые и новые толпы народа. На балконах, в окнах и даже на крышах домов было множество людей. Отовсюду неслись возгласы: „Слава погибшему“!.. Долой тиранов! Да здравствует „Потемкин“!.. И так было все время, пока процессия не прошла за город и не достигла кладбища.

После похорон мы все сели на извозчиков и поехали обратно в порт; но по дороге мы были остановлены ротой солдат, преградившей нам путь; мы спешили и пошли пешком. Но как только мы поравнялись с солдатами, они по данному сигналу открыли по нам огонь. Мы были без оружия и потому нам оставалось только бежать. Я остался позади всех и видел, что никто не был убит, хотя и меня и были прострелены брюки. Я думаю, что солдаты нарочно не хотели в нас попасть. Однако, когда мы прибыли на пристань,

стань, то нас оказалось только девять человек, куда девались трое товарищей,—я так и не знаю”.

Лицом к лицу.

После заслушания рассказа тов. Матюшенко, революционный комитет приступил к обсуждению плана дальнейших действий по отношению к Одессе. Но тут случилось новое обстоятельство, которое отвлекало внимание комитета в другую сторону.

На заседание прибежал запыхавшийся телеграфист.

— Эскадра близко!—каким-то торжественным голосом произнес он.

Оказалось, что телеграфисты перехватили беспроволочную телеграмму, которая была послана с броненосца „Три Святителя“ броненосцу „Двенадцать Апостолов“. В телеграмме было сказано: „Броненосец „Князь Потемкин Таврический“ стоит на внешнем рейде Одессы“...

Таким образом с часу на час можно было ожидать прибытия эскадры.

Полученное известие вызвало на „Потемкине“ всеобщее возбуждение. Все интересовались вопросом: в каком составе идет эскадра и с какими намерениями?

Команде были отданы распоряжения: зарядить все орудия и артиллеристам ложиться

спать у своих орудий, не раздеваясь. Держать корабль все время под парами, освещать всю ночь горизонт боевыми прожекторами, а миноносец и боевой катер выслать в море для охраны.

Наконец, для проверки боевого расписания была произведена боевая тревога: все оказалось в порядке и на своем месте.

«Потемкин».

Рано утром 17-го июня на горизонте показалась эскадра. Где-то вверху на броненосце раздались звуки рожков и барабанов, их подхватили где-то ближе, еще ближе, наконец, весь броненосец огласился своеобразными звуками боевой тревоги.

Все встрепенулось, точно по всему броненосцу пробежал электрический ток. Забегали,

засуетились: каждый спешил к назначенному ему, по боевому расписанию, месту... „Потемкин“ летел полным ходом вперед, рассекая морские волны. Впереди обрисовывалась уже довольно ясно эскадра.

В подзорную трубу стало возможным различить, что в ее состав входят броненосцы: „Три Святителя“, „Георгий Победоносец“ и „Двенадцать Апостолов“. Кроме броненосцев были: минный крейсер и шесть контр-миноносцев.

Вдруг эскадра стала замедлять ход и, наконец, совсем остановилась. „Потемкин“ тоже стал замедлять ход; в это время беспроволочным телеграфом с адмиральского корабля была принята телеграмма следующего содержания: „Золотые черноморцы! мы удручены вашим поступком. Чего вы хотите, безумцы?“ С „Потемкина“ сейчас был послан адмиралу ответ: „Если хотите знать, чего мы хотим, приезжайте на „Потемкин“, мы обещаем вам неприкосновенность“.—Ответа не последовало и „Потемкин“ снова кинулся вперед. Вдруг эскадра повернула и полным ходом стала уходить обратно. „Потемкин“, опасаясь мин, не стал преследовать эскадру и повернул обратно к Одессе. Снова стали на прежнее место, проиграли отбой и команда стала выходить на палубу. Бегство эскадры развеселило всю команду.

— А что, струсили?—слышалось среди команды.

— Видно, не очень хочется попробовать Потемкинских ядер!

Вера матросов в силу „Потемкина“ возросла.

— Да, видно наш броненосец и вправду грозный, если его испугалась целая эскадра,— говорили они.

Не успела команда окончить свой обед, как сигнальщики сообщили, что эскадра снова появилась на горизонте. На этот раз к ней прибавилось еще два броненосца.

Все матросы были в бодром настроении и с нетерпением ждали новой встречи с эскадрой. Только командир броненосца, прапорщик Алексеев, проявил большую трусость и притворился больным. Но на него из команды никто не обращал никакого внимания.

Ударили боевую тревогу, машинам дали полный ход и „Потемкин“ опять понесся на встречу эскадре. Каждая минута быстро сближала „Потемкина“ с эскадрой. Вновь присоединившиеся к эскадре броненосцы были „Ростиславль“ и „Синоп“.

Все суда шли по направлению к „Потемкину“, выстроившись в две колонны. Скоро можно было различить, что суда эскадры, как и „Потемкин“, шли по боевому, с выставленными по бортам орудиями. Но когда эскадра сблизилась с „Потемкиным“ саженой на сто,

между матросами эскадры началось какое-то движение: они выбегали из люков на верх, и скоро палубы всех судов были усеяны матросами. Но вот „Потемкин“ врезывается в самую середину эскадры и медленно направляет свои орудия на проходящие суда. „Ростиславль“ и „Три Святителя“ в мрачном безмолвии отвечают тем же. На палубах остальных трех броненосцев в явном смятении толпится команда... Вдруг на верхней палубе „Потемкина“ раздается: „Да здравствует свобода! Да здравствует революция! Ура!“ И в ответ на это восклицание с трех броненосцев, как гром небесный грянуло могучее и дружное „ура!“.

Трудно описать тот восторг, которым была охвачена команда „Потемкина“. Многие матросы оставили свои посты и с криками „ура“ потоком кинулись к выходному люку, устремляясь на верхнюю палубу.

Через несколько минут эскадра стала около Одессы, а „Потемкин“ очутился в море. На адмиральском судне подняли „Потемкину“ сигнал: „эскадра становится на якорь“. С „Потемкина“ отвечали: „Офицерам оставить суда и с'ехать на берег!“ Ответа не последовало. Тогда „Потемкин“ поворотил кругом и направился прямо на эскадру. Видя, как „Потемкин“ действует на матросов эскадры, командование снова стало уводить эскадру в

море, подальше от красного корабля. Но „Потемкин“ опять направляется в середину ее, опять проходит сквозь строй между броненосцами „Синоп“ и „Ростиславль“. С трех броненосцев опять гремит „ура“. Наконец, эскадра уходит далеко в море. Когда она уже стошла на значительное расстояние, „Георгий Победоносец“ вдруг стал от нее отставать и, наконец, совсем остановился. Остальная эскадра полным ходом стала уходить прочь и скоро совсем скрылась из виду.

Новый союзник.

Между тем с „Георгия Победоносца“, при помощи сигнализации, стали просить от имени команды прислать с „Потемкина“ депутацию, которая бы об'яснила, в чем дело. В ответ на это сейчас же была снаряжена часть караула, которая вместе с товарищами Матюшенко и Кириллом была отправлена туда на миноносце. Вот, как описывают свою встречу с командой „Георгия Победоносца“ ездившие туда товарищи: „Как только мы взошли на палубу „Георгия Победоносца“, нас окружила густая толпа матросов, которые наперерыв расспрашивали нас о том, что случилось на „Потемкине“. Тов. Матюшенко обратился к ним с речью. Рассказав по порядку обо всем, что произошло 14 июня, он заявил, что „Потемкин“ является теперь пер-

вым кораблем, который решил стать на сторону народа, вступившего в борьбу с правительством. Тов. Матюшенко просил команду „Геorgia Победоносца“ присоединиться вместе со своим броненосцем к Потемкинцам. В ответ на его речь раздалось дружное „ура“! Тогда тов. Кирилл обратился к офицерам и сказал им, что с этого момента „Георгий Победоносец“ переходит в руки народа, что им, как слугам старого порядка, нечего больше на нем делать. После этого был вызван караул и ему было приказано арестовать офицеров, от которых тут же потребовали сдачи оружия. Вдруг раздался выстрел, и тело одного офицера полетело с мостика за борт. Это был лейтенант Григорков, который выстрелом из револьвера покончил с собой. Остальных офицеров тотчас же посадили на баркас и с вооруженным конвоем отправили к борту „Потемкина“. Впоследствии все они были высажены на берег. После этого „Потемкин“ пошел на свое прежнее место, где и стал на якорь. „Геorgию Победоносцу“ был дан сигнал подойти к „Потемкину“ и также стать на якорь. Когда он проходил мимо „Потемкина“, то по всем правилам отдал честь своему старшему товарищу: на палубе по бортам была выстроена во фронт команда, рожок играл приветственный сигнал. С „Потемкина“ ответили

таким же сигналом и его команда с радостью приветствовала своего нового союзника. Загремела якорная цепь, и „Георгий Победоносец“ стал позади „Потемкина“. Ликованию среди Потемкинцев не было пределов. Еще бы! Ведь теперь у них была уже целая революционная эскадра.

Между тем появление еще одного революционного броненосца должным образом подействовало на одесских властей. К борту „Потемкина“ под'ехал на паровом катере капитан над портом и спросил у моряков, чего они хотят. С палубы ему ответили: „Мы требуем, чтобы командующий войсками разоружил свои войска и передал оружие народу“.

Вечером в адмиральском помещении, где было назначено заседание революционного комитета, собралось много матросов, для которых сегодняшнее заседание комитета было наиболее интересным. Тут же присутствовала депутация от команды „Георгия Победоносца“. Царило необыкновенное оживление. Вера в свои силы и в возможность счастливого исхода начатой борьбы воодушевляла всех.

На заседании комитета было решено, что если командующий войсками не исполнит требования матросов относительно разоружения войска и передачи оружия рабочим, то утром открыть военные действия и овладеть городом. На этом собрание и было распущено.

Темные силы.

На следующий день рано утром на „Потемкин“ прибыли несколько человек с „Георгия Победоносца“ и сообщили, что у них в команде произошел раскол. Часть команды с кондукторами и новым командиром во главе, который тоже был кондуктор, настаивает на том, чтобы сейчас же идти в Севастополь и сдаться на милость начальства.

Кондуктора были самым шкурным элементом во флоте. Оставаясь на сверх-срочной службе, они всякими правдами и неправдами выслуживались перед начальством и достигали, по их мнению, „почетного звания“. Такое положение, которое обеспечивает их существование и дает значительную власть над матросами, заставляет их быть яркими сторонниками старого строя. А привычка, постоянно выслуживаться перед начальством, делает их кляззниками и доносчиками. Подбивая теперь команду идти в Севастополь и сдаться на милость властей, они тем самым надеялись получить за это награду и ласку от начальства.

Потемкинцы теперь только спохватились, — какую они сделали ошибку, что не убедили команду „Георгия Победоносца“ удалить вместе с офицерами и этих лицемеров или, по крайней мере, их арестовать, как они сделали это у себя.

Решено было немедленно отправить на „Геorgia Победоносца“ делегацию.

Когда делегация Потемкинцев под'ехала к броненосцу, то у самого входа на палубу их встретил новый командир судна. Не сходя с места и, как бы не желая их пропустить, он уверенным тоном заявил:

— Наша команда не желает оставаться с „Потемкиным“ и решила сейчас же итти в Севастополь.

— В таком случае вы уж позвольте нам самим поговорить с командой,—сказал прибывший с „Потемкина“ Коваленко.

Как только Коваленко начал говорить перед собравшимися матросами, кондуктора загладели, но матросы заставили их все же замолчать.

— Товарищи!—начал Коваленко,—вчера в лице „Геorgia Победоносца“ Потемкинцы приобрели себе сильного союзника. Вчерашний день для нас был самым торжественным днем в жизни. Вы, товарищи, сами не захотели следовать за ушедшей эскадрой; вы сами, по общему приговору, удалили офицеров и тем самым вместе с броненосцем отдались на служение трудовому народу. Мы от всей души приветствовали вчера ваше единодушное желание итти с нами рука об руку на борьбу с общим врагом... Но вот, едва только минула одна короткая ночь, и вы уже колеблетесь.

Между вами раздаются голоса, предлагающие итти в Севастополь, чтобы там сдать начальству, от которого вы вчера только избавились. Так неужели вы вчера присоединились к нам для того, чтобы сегодня же сделаться изменниками? Ужели ваша вчерашняя решимость уступила место позорному малодушию? Что смущает вас? Или наши броненосцы не сильны? Или наше дело не право? Нет, товарищи! Наши броненосцы непобедимы с тех пор, как они перешли на сторону восставшего народа!

— Не поедem в Севастополь. Не оставим „Потемкина“, — неслось со всех сторон.

Командир и его приспешники стояли словно пришибленные.

Но вот на трибуне появляется доктор Голенко, который прибыл с делегацией от „Потемкина“. Сначала он говорил о том, что он сам вышел из народа, что он любит матросов и желает им добра. Потом вдруг ни с того, ни с сего начал одобрять предложение итти в Севастополь и сдать начальству. Командир и все его приспешники насторожились. Среди команды опять появилась неуверенность и колебание. С той стороны, где стоял командир, снова слышалось: что там разговаривать! Идем в Севастополь и больше ничего! Если „Потемкин“ не пойдет с нами, пусть остается здесь один.

Однако мало-по-малу команда успокоилась. Снова Коваленко произнес речь, в которой призывал к единодушию матросов и к совместным действиям с „Потемкиным“. В ответ снова раздалось „ура“ и снова слышались всюду голоса за то, чтобы действовать с „Потемкиным“ заодно. После этого делегация с „Потемкина“ отправилась обратно. Вместе с нею отправилось несколько человек из революционного комитета с „Георгия Победоносца“. По прибытии на „Потемкин“, они устроили совместное совещание, на котором решено было арестовать всех кондукторов на „Георгии Победоносце“. Момент для ареста теперь был самым подходящим. Не успело совещание закончиться, как с „Георгия Победоносца“ снова прибыли несколько человек. Они заявили, что так как их команда решила действовать за одно с Потемкинцами, она просит, чтобы кто-нибудь из офицеров перешел сейчас же на „Георгия Победоносца“. Это необходимо для того, чтобы таким образом установить еще более тесную связь между обоими броненосцами. Команда „Георгия Победоносца“ особенно желает видеть у себя доктора Голенко. Потемкинцы решили эту просьбу удовлетворить. Хотя доктора Голенко они и не считали вполне надежным человеком, но все-таки думали, что он подчинится общему решению матросов относительно того,

обы не итти в Севастополь. На всякий случай, вместе с Голенко, решено было послать „Геorgia Победоносца“ еще несколько человек из наиболее сознательных матросов.

И з м е н а.

Не прошло и часа после того, как предводители „Потемкина“ отправились на „Геorgia Победоносца“, — потемкинцы увидели, как их союзник снимается с якоря. На „Потемкине“ тотчас же подняли сигнал: „Геorgia Победоносцу“ не сниматься с якоря. Но якорь не был поднят, и коварный союзник полным ходом двинулся в море. На „Потемкине“ снова подняли сигнал: „Геorgia Победоносцу“ возвратиться и стать на якорь на прежнем месте... Но тот продолжал уходить. Тогда горюхам и барабанщикам приказано было прогнать боевую тревогу. Раздались звуки рожков и барабанов. Команда рассыпалась по своим местам, и на мачте „Потемкина“ взвился красный боевой флаг. Тогда „Геorgia Победоносец“ замедлил ход и затем, поворачивая назад, стал итти по направлению к „Потемкину“. Видно было по всему, что угроза действовала. Вот он поравнялся с „Потемкиным“ и как будто бы собирался остановиться и бросить якорь. На „Потемкине“ все успокоилось, пробили отбой и спустили боевой флаг... Вдруг „Геorgia Победоносец“

круто поворотил и, прежде, чем из Потемкинцев кто-нибудь успел опомниться, на полном ходу вошел в Одесский порт и за молотом отдал якорь.

На „Потемкине“ поднялась страшная суматоха, в которой ничего нельзя было разобрать и которую нельзя было унять. Кто-то заметил, что от „Георгия Победоносца“ отделилась шлюпка и направилась к „Потемкину“. Ей навстречу послали миноносец, который через несколько минут и привел ее на буксире. В шлюпке оказались посланные вместе с доктором Голенко товарищи и с ними товарищ Кошуба, организатор восстания на „Георгии Победоносце“. Самого доктора в шлюпке с ними не было. Еще издали товарищи кричали: доктор Голенко—изменник. Это он предал „Георгия Победоносца“.

Когда они взошли на палубу, команда засыпала их вопросами. Вот что они рассказали о всем случившемся:

„Как только мы с доктором прибыли на „Георгий Победоносец“, он тотчас же начал уговаривать команду идти в Севастополь. При этом он уверял команду, что „Потемкин“ будто бы тоже собрался уходить туда. Командир и все его приспешники тоже начали уговаривать команду, последовать совету доктора. Команда была сбита с толку и заволновалась. Напрасно мы старались уговорить матросов

не верить лукавому доктору, — нас уже никто не слушал. Командир, пользуясь замешательством, сейчас же приказал сниматься с якоря и всем разойтись по своим местам. Когда на „Потемкине“ был поднят сигнал „не сниматься с якоря“, то командир и доктор, которые вошли в соглашение с сигнальщиками, разбравшими сигналы, — объяснили команде этот сигнал в том смысле, что „Потемкин“ сейчас тоже снимается с якоря и пойдет за „Георгием Победоносцем“. Когда на „Потемкине“ взвился боевой флаг, только тогда команда догадалась, что ее обманывают и стала требовать от командира, чтобы он возвратился на прежнее место. Командир и доктор, видя, что их затея не удалась, уступили требованию команды. Броненосец повернулся и пошел к „Потемкину“. Когда мы проходили мимо его, то все были уверены, что командир хочет стать на якорь. Но мы не успели опомниться, как „Георгий Победоносец“ круто поворотил, с разгону вошел в самый порт и воткнулся в мель. Тут команда совсем растерялась. Стало ясно, что большинство готово отдаться в руки властей. Видя, что здесь все уже погублено, мы, воспользовавшись замешательством, спустили шлюпку и направились на „Потемкина“.

На команду „Потемкина“ эта измена произвела удручающее впечатление. Никто не знал,

что предпринять. Одни кричали: расстрелять „Георгия Победоносца“. Другие говорили, что в таком случае мы больше причиним вреда городу, чем ему. „Георгия Победоносца“ и потопить нельзя, потому что он стал на мель. Да и не вся команда виновата в том, что случилось. Все проклинали доктора и его общника-командира. Между тем к „Георгию Победоносцу“ со всех сторон стали направляться военные катера. При таком положении дела нельзя уж было открывать военных действий против Одессы и помочь рабочим захватить власть в городе. В руках военных властей теперь находился броненосец, орудия которого в любой момент могли быть обращены против восставших рабочих. А между тем у „Потемкина“ на исходе стали с'естные припасы, пресная вода и уголь. О получении из Одессы всего необходимого теперь уже нечего было и думать. Таким образом красный броненосец, благодаря измене своего союзника, оказался в очень затруднительном положении. Среди команды стали раздаваться голоса за то, чтобы немедленно идти в Румынию. Еще с самого начала восстания на „Потемкине“, командир судна—прапорщик Алексеев и подпоручик Колюжанов вели агитацию за поход в румынский порт. Но тогда этих трусов никто из команды не хотел слушать. Теперь за эту мысль ухватилась вся

команда. Некоторые из более сознательных надеялись получить в иностранном порту пресную воду, провизию и уголь для того, чтобы снова продолжать начатую борьбу. Другие же смотрели на иностранный порт, как на убежище, так как измена „Георгия Победоносца“ подействовала на них очень удручающе, и дальнейшую борьбу они стали считать безнадежной. „Если „Георгий Победоносец“ изменил, то чего же нам ждать от эскадры, которая опять придет к нам“?— говорили они.— „Идем в Румынию и больше никаких“!

Напрасно члены революционного комитета уговаривали не торопиться с исполнением этого плана. Большинство команды требовало немедленной отправки. Делать было нечего. Снялись с якоря, взяли на буксир миноносец, и тронулись в путь. Дорогой было решено направиться в румынский портовый город Констанцу.

В иностранном порту.

К вечеру 19 июня „Потемкин“ вместе с миноносцем прибыли в Констанцу. Не входя в бухту, бросили якорь и стали против порта. Пропустя некоторое время, к „Потемкину“ подошел паровой катер, в котором сидели два румынских офицера. Их встретили согласно

требованиям международного обычая: на мачте подняли румынский флаг и дали салют из мелких орудий. На палубе офицеров встретили вожди революционного броненосца, товарищи Матюшенко, Кирилл и Фельдман. Обменявшись приветствиями, товарищи пригласили офицеров в каюту и начали с ними переговоры. Старший из офицеров оказался капитаном над портом Констанцы. Узнав, что „Потемкин“ прибыл за получением провианта капитан попросил дать ему список предметов которые „Потемкин“ желал бы получить. Список был немедленно составлен и вручен офицеру. Затем ему был задан вопрос: может ли команда „Потемкина“ надеяться на получение всего необходимого, конечно, за наличные деньги?—Капитан ответил, что к сожалению своей властью он этого сделать не может но он сейчас же телеграфирует об этом своему правительству. Капитан обещал, что как только получит ответ на телеграмму, сейчас же уведомит „Потемкина“. После этого офицеры сообщили, что, по слухам, в море роется какой-то миноносец, который управляется только одними офицерами и который ищет „Потемкина“, с целью взорвать его. Поговорив еще немного, офицеры стали собираться к отъезду. При расставании Потемкинцы вручили им следующее заявление:

Ко всем честным и трудящимся гражданам всего мира.

„Граждане всех стран и всех народов! Перед Вашими глазами происходят события великой освободительной борьбы: угнетенные и поработанные народы России не вынесли векового гнета и своеволия царского самодержавия. Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования.

Могучий крик многомиллионной груди: „Долой рабские цепи самодержавия“! — как гром раскатился по всей необъятной России. Но правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей России. Однако, самодержавие забыло одно, что темная и забитая армия, — это сильное орудие его кровавых замыслов, — есть тот же самый народ, есть сила тех же самых трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И вот мы, команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический“, решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали

от солдатских пуль и штыков на улицах и полях, снимут с нас свое проклятие, как их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его! И наш общий лозунг—смерть или свобода для всего трудящегося люда!... Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу“.

Команда эскадренного броненосца
„Князь Потемкин Таврический“ и ми-
ноносца № 267.

Утро следующего дня принесло Потемкинцам разочарование. Товарищи, ездившие в Констанцу за окончательным ответом на вчерашнюю просьбу, привезли ответ от румынского правительства, в котором говорилось, что румынское правительство считает невозможным удовлетворить просьбу Потемкинцев, ибо это противоречило бы правилам международных отношений. Вместе с тем они привезли телеграмму от главного министра, в которой он предлагает команде „Потемкина“ сдать румынским властям броненосец и высадиться на румынскую территорию. При этом министр обещал команде, что она не будет выдана русским властям. Тов. Матюшенко, который ездил в Констанцу за ответом, за-

явил румынским властям, что команда своего броненосца не сдаст.

По возвращении товарищей, ездивших в город за ответом, тотчас же собрался революционный комитет, который единодушно отвергнул предложение министра. После этого было тут же решено возвратиться в Российские воды и продолжать начатое дело. Но небольшой запас угля на броненосце с каждым часом уменьшался, потому что во время стоянок на якоре приходилось, на всякий случай, все время поддерживать в котлах пары. Вследствие недостатка в пресной воде, в котлы приходилось наливать полусоленую воду, от которой они быстро портились. Все это заставляло позаботиться прежде всего о том, чтобы где-нибудь снабдиться всем необходимым, и надо было наметить себе такой порт, где легче всего это можно сделать.

Таким портом единогласно была признана Феодосия (Юго-восточная часть Крыма) и поэтому было решено идти прежде всего туда. После этого на палубе состоялось общее собрание команды. На собрании было сообщено о переговорах с властями Констанцы, предложении министра сдаться румынским властям и о решении революционного комитета. После обсуждения команда вынесла постановление, целиком одобряющее решение судового ревкома.

Через час „Потемкин“ и миноносец № 267 снова неслись по волнам Черного моря, направляясь к Феодосии...

В Феодосии.

22 июня „Потемкин“ бросил якорь на рейде у Феодосии. От носа его, через обе мачты и до кормы, протянулась гирлянда разноцветных флагов, а над кормовой башней с орудиями развевалось красное знамя с революционными лозунгами. Скоро вся набережная была усеяна народом, стекавшим туда со всех сторон. С'ехавшись на берег, товарищи потребовали на броненосец представителей города, которые и не замедлили явиться. Потемкинцы им заявили, что пришли в Феодосию затем, чтобы запастись всем необходимым и что они надеются, что город им не откажет в этом. Представители попросили дать им список всего, в чем они имели нужду и обещали в возможно скором времени доставить. Список тотчас же был составлен и вручен им. Кроме того им были вручены приглашения к населению с тем, чтобы приглашения были прочтены на заседании комитета и распространены среди населения.

Вечером было созвано такое собрание, в котором было решено удовлетворить требования команды „Потемкина“.

Перед вечером на „Потемкин“ была доставлена часть провизии, в том числе несколько живых быков. Относительно же угля и пресной воды сказали, что градоначальник всеми мерами препятствует доставке этих предметов на „Потемкин“.

Предательское нападение.

Утром кто-то принес с берега весть, что в порту находится около 15 тысяч пудов угля в баркасах. Немедленно было решено отправить несколько человек в порт для того, чтобы закупить этот уголь и прибуксировать на миноносце к борту „Потемкина“.

Тотчас же несколько товарищей, в том числе Матюшенко и Фельдман, сели на катер и в сопровождении миноносца отправились в порт. Не прошло и получаса после этого, как на берегу раздался треск ружейных выстрелов. И в то же время от берега к броненосцу полным ходом понеслись миноносец и катер. Несколько пуль ударились о броню башни двенадцатидюймовых пушек и упали на палубу. Когда катер подошел к трапу, все бывшие на палубе бросились к борту, чтобы скорее узнать, что случилось. В катере стоял тов. Матюшенко, а на дне лежали двое окровавленных матросов; у одного из них был раздроблен череп. Обоих матросов немедленно отнесли в лаза-

рет, а тов. Матюшенко, взойдя на палубу, рассказал следующее:

„Когда мы подошли к баркасам с углем, мы нашли там владельца этих баркасов, который сразу же согласился уступить нам свой уголь. Тотчас же несколько человек из нас взошли на один из баркасов и начали выбирать якорь, чтобы потом взять баркас; я с другими товарищами остались на катере. Все мы были совершенно спокойны, так как не подозревали о какой-нибудь засаде. Вдруг, откуда-то из-за угла раздался ружейный залп. Бывшие на баркасе попадали в воду и на уголь; около меня повалились на дно катера бывшие со мною товарищи Циркунов и Козленко. Миноносец помчался по направлению к броненосцу. Одной из пуль на катере был поврежден регулятор паровой машины, и катер, ни кем не управляемый, пошел полным ходом прямо к берегу. Я едва успел ухватиться за руль и направить его сюда. Всю дорогу нас осыпали градом пуль. Все бывшие на баркасе, вероятно, погибли“¹⁾.

¹⁾ Впоследствии выяснилось, что оставшиеся на баркасе матросы Кошуба, Заулошинов и перешедший с „Георгия Победоносца“ на „Потемкин“ студент Фельдман, не были убиты в Феодосии, а лишь только арестованы. Фельдману удалось из под ареста убежать, Кошуба же по приговору военно-полевого суда был расстрелян в Севастополе, а Заулошинов сослан в каторжные работы.

Среди команды „Потемкина“ произошло необыкновенное смятение. Некоторые кричали „разгромим Феодосию!“ и даже бросились было к пушкам. Более благоразумные, однако, остановили их и убедили в том, что город не виноват, а предатели солдаты и их начальство сумеют укрыться от снарядов. Один артиллерист был так взволнован всем происшедшим, что тут же упал замертво от разрыва сердца.

Вся команда столпилась на палубе. Среди неимоверного шума и гама раздавались голоса: „нет нам ни откуда поддержки! В Одессе нам изменил „Георгий Победоносец“, здесь в нас предательски стреляют армейцы, и мы должны терять товарищей, чтобы добыть угля. Самых смелых из нас перебьют по одиночке, а остальных заберут голыми руками вместе с броненосцем“.

„Нам остается только идти в Румынию, пока мы еще способны двигаться“.

— „В Румынию! В Румынию!“ — кричала скоро вся команда.

Напрасно более стойкие старались уговорить их идти на Кавказ, или хоть прежде чем уходить, сначала узнать, что стало с товарищами, которые были на баркасе с углем. Убеждения уже не действовали, тем более, что всем было известно состояние броненосца и его команды, ставшее к этому времени

весьма плачевным. Котлы от употребления соленой воды готовы были отказаться служить; некоторые механизмы и части главных машин требовали ремонта; запасов угля уже почти не было. Команда была страшно истощена, среди машинистов и кочегаров начались заболевания.

Исполнявший обязанности командира, кондуктор, сейчас же начал хлопотать относительно с'емки с якоря; скоро вся команда разошлась по своим местам и через каких-нибудь четверть часа „Потемкин“ был уже снова в море и держал курс в Румынию.

Убитый матрос Циркунов и умерший артиллерист были похоронены в море.

На чужбине.

24 июня „Потемкин“ снова прибыл в Констанцу. Тотчас же несколько человек отправились на берег, где их встретил румынский офицер, который спросил о цели прихода „Потемкина“ в Констанцу. Узнав о состоянии броненосца и его команды, он предложил высадиться на территорию Румынии, при чем стал уверять, что команда „Потемкина“ не будет выдана русскому правительству.

Утром приехал капитан над портом, и „Потемкин“ был сдан и введен в порт, где собравшаяся толпа народа приветствовала его с большим восторгом.

В переговорах Потёмкинцев с румынскими властями большую услугу оказал живший тогда в Румынии тов. Раковский, наш теперешний Полномочный посол в Англии.

После обеда вся команда съехала со своего броненосца, после чего на нем был поднят румынский флаг.

Спустя несколько дней „Потемкин“ был сдан румынским правительством Русской эскадре, пришедшей за ним в Констанцу. Прапорщик Алексеев, подпоручик Колюжанов и все кондукторы тотчас же явились к адмиралу, командовавшему эскадрой, и сдались.

Года через полтора после сдачи „Потемкина“ тов. Матюшенко и еще несколько матросов перебрались из Румынии в Россию. Все они попали в руки царских властей и по приговору военно-полевого суда были расстреляны.

Так кончилось первое революционное восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический“.

Царское правительство, разозлившееся на „Потемкина“, переименовало его в „Пантелеймона“. Однако, это святое наименование не спасло броненосца от дальнейших революционных подвигов.

Не прошло и полгода, как на этом же броненосце снова взвилось красное знамя; в но-

ябре 1905 года „Потемкин“, уже переимено-
ванный тогда в „Пантелеймона“, снова при-
нимал участие в восстании рабочих, матро-
сов и солдат в Севастополе. В руках восстав-
ших на этот раз было два броненосца, один
крейсер и несколько миноносцев. Восстание с
кровавой жестокостью было подавлено адми-
ралом Чухниным, который впоследствии был
убит революционерами.

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ.

После потемкинского восстания волнения в стране еще больше усилились. В войсках и, главным образом, опять-таки во флоте революционное настроение так же возрастало с каждым днем. В конце октября вспыхнуло восстание кронштадтских матросов. Революционно-настроенная масса кронштадтских матросов, вопреки желанию наиболее сознательных товарищей, выступила совершенно неподготовленной. Полиция, так же как и в Одессе, организовала босяков и хулиганов, которые, примазавшись к восстанию, занялись поджогами и устроили массовый погром. Эта погромная деятельность босяков внесла большое расстройство в ряды революционных матросов и на третий день восстание было подавлено, а матросы преданы военно-полевому суду.

Чтобы спасти матросов от неминуемого расстрела, Питерский совет рабочих депутатов об'явил по всей стране всеобщую забастовку. 2 ноября остановилось движение на железных дорогах, прекратили работу все

фабрики, заводы, почта и телеграф. Во всех городах рабочие, солдаты и матросы устраивали митинги, на которых выносились резолюции с требованием отмены военно-полевого суда над кронштадтцами.

Матросы Черноморского флота, который находился тогда в Севастополе,—также выступили на поддержку всеобщей забастовки, дабы защитить своих кронштадтских товарищей.

Сначала матросы и солдаты севастопольского гарнизона принимали участие на всех митингах, которые устраивались севастопольскими рабочими. Во время уличных шествий матросский оркестр играл революционный марш „марсельезу“, несмотря на то, что исполнение всяких революционных песен и гимнов тогда в войсках строго запрещалось.

Вскоре, однако, военные власти запретили матросам и солдатам присутствовать на рабочих митингах в городе. Эта мера вызвала создание специальных военных митингов и собраний во дворах флотских экипажей и в казармах. На этих митингах всегда присутствовали члены севастопольского комитета партии большевиков. Начальство не осмеливалось запретить доступ этим товарищам в казармы. Собрания с каждым днем становились многочисленнее и вскоре они уже не мог-

ли происходить в казармах за недостатком помещения. Тогда решено было устраивать эти собрания на площади, которая находилась между матросскими экипажами¹⁾ и казармами Брестского пехотного полка. На площадь приходили не только матросы и солдаты, но и рабочие Севастополя, так что на митингах стало стекаться до 10 тысяч народа.

Матросы рвались в бой. Новая команда броненосца „Потемкин“, который теперь уже был переименован в „Пантелеймона“, готова была вести свой броненосец на Кавказ для поддержки вспыхнувшего там восстания. Рядом с „Потемкиным“ в боевой готовности стоял только что отстроенный крейсер „Очаков“. Большевикам с трудом удавалось удерживать матросов от преждевременного выступления.— „Надо сначала создать Совет матросских и солдатских депутатов,—говорили матросам товарищи-большевики,—этот совет должен связаться с советом рабочих депутатов и, когда настанет момент,—выступить вместе с рабочим классом“. На этом и было порешено. Но дальнейшие события так быстро развернулись, что этому плану не суждено было осуществиться.

¹⁾ Экипажем во флоте называется команда корабля; в данном случае под словом „экипажи“ надо понимать помещение на суше, в котором живут матросы.

Военное начальство увидело, что революция на носу, что надо принять какие-то решительные меры. Первым делом решено было запретить всякие митинги и собрания в войсковых частях. Но эта мера как раз и послужила началом Севастопольского восстания. Вот как описывает эти события тов. Л. Троцкий.¹⁾

„11 ноября у ворот экипажей была поставлена с утра боевая рота. Контр-адмирал Писаревский во всеуслышание обратился к ней: „Никого не пропускать из казарм. В случае неповиновения—стрелять“! Из роты, которой был отдан этот приказ, выделился матрос Петров, на глазах у всех зарядил винтовку и одним выстрелом убил полковника Брестского полка Штейна, а другим ранил Писаревского. Последовало приказание офицера: „арестовать его“. Никто ни с места. Петров бросил винтовку, и сказал товарищам: „Чего же вы стоите?—берите меня“. Петрова арестовали. Сбежавшиеся со всех сторон матросы требовали его освобождения. Возбуждение достигло высшего предела.

— Петров, ты нечаянно выстрелил?—допрашивает его офицер, ища выхода.

— Какое нечаянно. Отделился, зарядил, прицелился. Разве это нечаянно?

¹⁾ См. книгу тов. Троцкого „1905“, глава „Красный Флот“.

— Команда требует твоего освобождения...
И Петров был освобожден.

Матросы тут же, немедленно, хотели открыть военные действия, но представители партии большевиков удержали их. Решено было подождать утреннего совещания депутатов и связаться с пехотными частями. В этот день ограничились только арестом всех дежурных офицеров, которые были обезоружены и заперты в канцелярии.

Всю ночь происходило совещание матросских представителей. На этом совещании решено было освободить арестованных офицеров, но не пускать их больше в казармы. Утром на совещание явились представители рабочих, а через несколько часов в городе была объявлена всеобщая забастовка. Для охраны матросских помещений от неожиданного нападения была снаряжена специальная рота под командою Петрова. Часть матросов, вместе с представителями от партии большевиков, отправилась в казармы Брестского пехотного полка, с целью склонить солдат присоединиться к восстанию. Солдаты оказались гораздо менее решительными, чем матросы. Немалых трудов стоило уговорить солдат, чтобы они обезоружили своих офицеров, при чем солдаты настояли на том, чтобы в казармах было оставлено несколько дежурных офицеров. Эти офицеры впоследствии

своей контр-революционной агитацией сумели внести разложение в пехотных частях.

После собрания солдаты Брестского полка начали строиться для того, чтобы вместе с матросами отправиться к казармам Белостокского полка. В это время к солдатам подъехали комендант крепости—генерал Неплюев и начальник дивизии—генерал Седельников. Оба генерала немедленно были арестованы присутствовавшими тут же матросами и на собственном экипаже отправлены в канцелярию под замок.

После этого солдаты с музыкой отправились на площадь, из экипажей вышли матросы и присоединились к шествию. На площади их уже ждали тысячи рабочих.—„Какой момент!—пишет тов. Троцкий.¹⁾ — Восторженная встреча. Жмут друг-другу руки, обнимаются. В воздухе стоит гул братских приветствий. Клянутся поддерживать друг-друга до конца. Выстроились и в полном порядке отправились на другой конец города—в казармы Белостокского полка.

Итти приходилось мимо исторического бульвара, где расставлены были пулеметы. Матросы обратились к пулеметной роте с призывом—убрать пулеметы. И предложение исполнено.

¹⁾ Л. Троцкий—„1905“.

У казарм Белостокского полка устроили митинг. Полного успеха, однако, не имели. Солдаты колебались: часть об'явила себя солидарной (согласной) с матросами, другая часть обещала только не стрелять. В конце-концов офицерам удалось даже увести Белостокский полк в казармы". ✓

С самого начала восстания почти непрерывно заседала депутатская комиссия, в которую кроме матросов вошли представители и от других родов оружия, а также и от социал-демократической рабочей партии-большевиков. Постоянным председателем комиссии был выбран большевик. Помимо общеполитических требований комиссия выработала целый ряд требований чисто военного, казарменного характера, которые были направлены на улучшение положения солдат и матросов. Эти требования очень наглядно свидетельствуют о том, как жилось солдатам в царской армии. Для бойца Красной Армии небезынтересно будет узнать, чего домогались тогда с оружием в руках революционные матросы и солдаты.

Они требовали: сокращения срока службы на два года; право посещать все публичные места и собрания, наравне со всеми гражданами ¹⁾; полной отмены телесных наказаний

¹⁾ Раньше солдатам запрещалось не только посещать собрания и лекции, но даже сады и бульвары.

в войсках; уравниения в правах на военной службе всех национальностей; беспрепятственного увольнения со двора вне службы всех без исключения, кроме находящихся в нарядах; права читать и держать в казарме газеты, книги и журналы; ненаказуемости за сотрудничество в газетах и журналах ¹⁾; полной отмены цензуры (просмотра офицерами) писем, получаемых нижними чинами; отмены обязательного исполнения церковных обрядов; права подавать жалобы на военачальников; вежливого обращения начальников с подчиненными; замены „ты“ более вежливым „вы“; воспрещения офицерам пользоваться нижними чинами в качестве домашней прислуги; сохранения чинопочитания (отдание чести) только в казарме и на службе, вне казармы полная отмена его; отмены офицерских титулов, как-то: ваше высокоблагородие, ваше превосходительство и т. д.; устройства в каждом полку и отдельной части библиотек, которые должны находиться в ведении нижних чинов.

Для широкой массы солдат и матросов эти требования стояли на первом месте, так как солдат в царской армии был на положении бесправного раба, подвергавшегося на каж-

1) За военкорскую работу раньше карали тюрьмой.

дом шагу унижению, оскорблению и издевательству со стороны начальства.

Тем временем военные власти, не полагаясь более на местные полки, начали стягивать войска из соседних городов. Но и среди прибывших войск революционеры вели успешную агитацию. Солдаты не могли не почувствовать тем требованиям, которые были выработаны депутатской комиссией. И тем не менее революционеры все-таки не могли рассчитывать на деятельную поддержку пехотных частей. Почти все они, за исключением саперного батальона, обещали только „не стрелять“. Что же касается саперов, то они в полной боевой готовности пришли к матросским экипажам и заявили, что в любую минуту готовы выступить вместе с товарищами матросами. Депутатская комиссия получила заверение о поддержке со стороны крейсера „Очаков“, броненосца „Потемкин“, контр-миноносцев „Вольный“ и „Заветный“. Впоследствии присоединилось еще несколько миноносцев. Остальные же суда продолжали колебаться и давали все то же обещание „не стрелять“.

13-го ноября в депутатскую комиссию явился флотский офицер с телеграммой, в которой говорилось, что царь требует сложить оружие в 24 часа. Офицера осмеяли и выставили вон.

Однако, требование офицера означало, что если революционеры не сдадутся в течение 24 часов, то после этого срока усмирители начнут против них военные действия. Необходимо было принимать срочные меры к вооруженному выступлению.

Вечером 13 ноября депутатская комиссия пригласила для командования революционными судами отставного флотского лейтенанта Шмидта.

Шмидт был беспартийным социалистом. После царского манифеста „17 октября“¹⁾ Шмидт, выступая на митингах, говорил о необходимости с оружием в руках защищать те свободы, которые обещаны в манифесте „17 октября“. За эти „дерзкие“ речи Шмидт получил от царя отставку, а среди рабочих и матросов стал пользоваться любовью и уважением.

Приняв командование над восставшей частью флота, 14 ноября Шмидт перебрался на крейсер „Очаков“, выбросил адмиральский флаг и дал сигнал:

„Командую флотом. Шмидт“. Этим сигналом Шмидт хотел сразу привлечь на свою сторону всю эскадру. После сигнала он направил свой

¹⁾ Под давлением всеобщей забастовки царь издал 17 октября манифест, в котором обещаны были гражданские свободы и которые остались только на бумаге.

крейсер к тюремному судну „Прут“, на котором были заключены матросы; принимавшие участие в Потемкинском восстании. Приняв на свой борт матросов-каторжан, „Очаков“ об-ехал с ними всю эскадру.

Лейтенант Шмидт.

Вождь революционных матросов
Черноморского флота в 1905 г.

✓ „Со всех судов—пишет тов. Троцкий,—раздавалось приветственное „ура“. Несколько из судов, в том числе броненосцы „Потемкин“ и „Ростислав“, подняли красное знамя.

Взяв на себя руководство восстанием, Шмидт оповестил о своем образе действий следующим заявлением:

„Г-ну Городскому Голове.

Мною послана сегодня Государю телеграмма следующего содержания:

„Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, Государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом

гражданин Шмидт“.

Из Петербурга прислан телеграфный приказ: подавить восстание...

Решительный час настал. Восставшие рассчитывали на отказ войск стрелять по своим и на присоединение остальных судов эскадры. На нескольких судах офицеры действительно были арестованы и свезены на „Очаков“, в распоряжение Шмидта. Масса народа толпилась на берегу, ожидая салюта, который должен был возвестить о присоединении эскадры. Но ожидания не сбылись. Усмирители не дали „Очакову“ совершить второй обезд судов и открыли огонь. Народ принял первый залп за салют, но вскоре понял, что происходит и в ужасе бежал к пристани. Открылась пальба со всех сторон. Стреляли с судов, стреляли из орудий крепостной и полевой артиллерии, стреляли пулеметы с Исторического бульвара.

Одним из первых залпов на „Очакове“ была разрушена электрическая машина. Едва дав

шесть выстрелов, „Очаков“ вынужден был замолчать и поднять белый флаг. Несмотря на это, обстрел крейсера продолжался, пока на нем не возник пожар. Еще хуже вышло с „Потемкиным“. Здесь не успели приладить к

Тов. Мурзак-Богданович.
б. боцман броненосца „Потемкин“.

орудиям ударники и замки, и оказались совершенно беспомощны, когда открылась стрельба...

Береговые матросские экипажи держались дольше всех. Они сдались только тогда, когда не осталось ни одного патрона...

Когда прошел первый ужас, возбужденный стрельбой, часть толпы вернулась на берег.

„Картина была ужасная,—говорит один участник восстания.—Под перекрестным, орудийным огнем сразу погибло несколько миноносков и шлюпок. Вскоре запылал „Очаков“. Спасавшиеся вплавь матросы взывали о помощи. Их продолжали расстреливать в воде. Лодки, направлявшиеся спасать их, подвергались расстрелу. Матросы, подплывавшие к берегу, где стояли войска, тут же приканчивались. Спасались только те, которые попадали к сочувствующей толпе“.

Шмидт пытался бежать, переодевшись матросом, но был захвачен“.

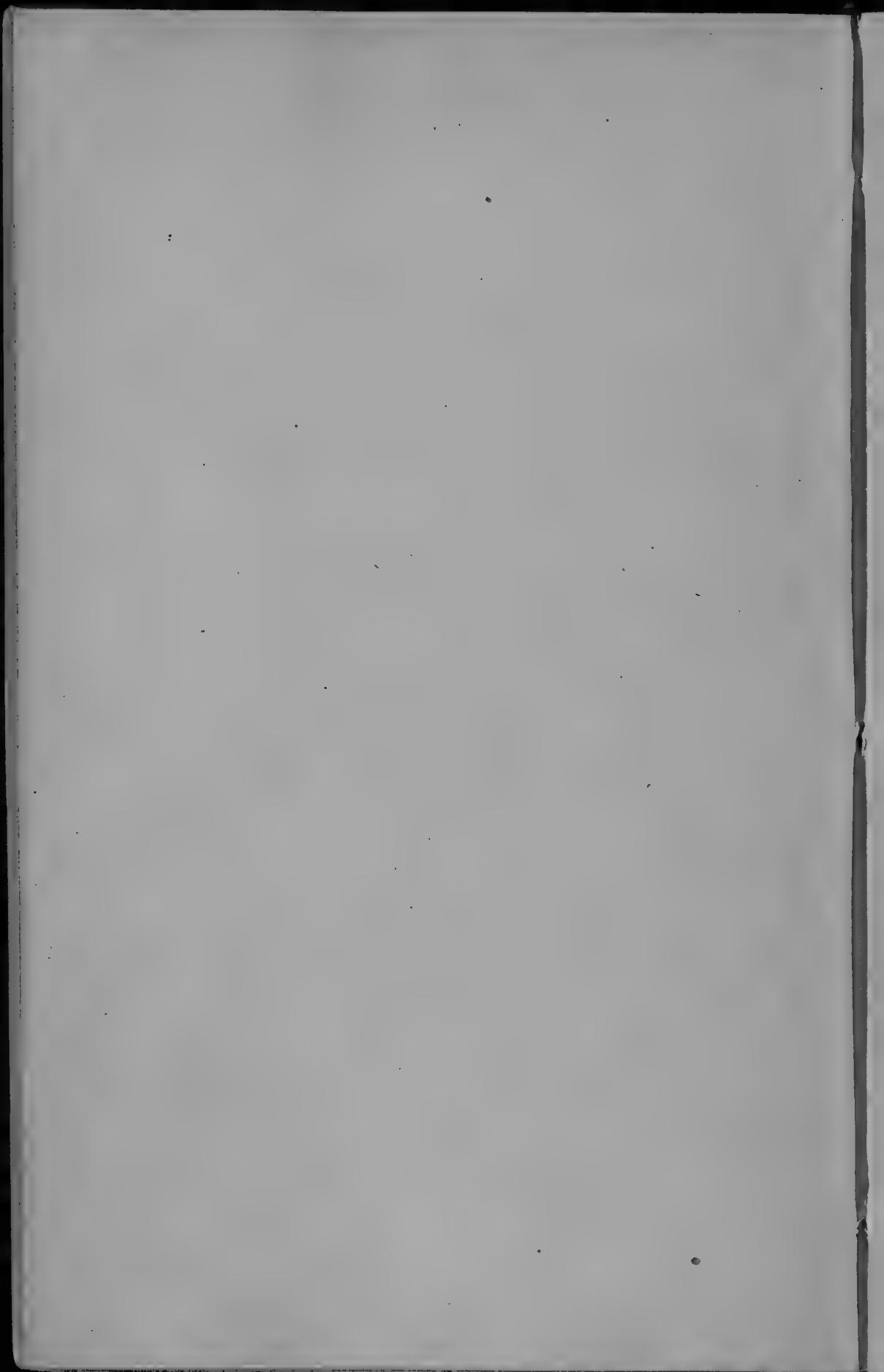
8-го марта 1906 года Шмидт был расстрелян царскими палачами на острове Березани. Вооруженное восстание революционных матросов и на этот раз закончилось поражением.

В чем причина неудачи севастопольского восстания?—Она заключается, главным образом, в том, что пехотные войска, состоящие из крестьянской молодежи, не проявили революционной устойчивости. Они были тогда еще недостаточно сознательны. В решительную минуту у них не хватило мужества окончательно стать на сторону революции. Эта неустойчивость крестьянской армии сказалась не только в севастопольском восстании, но и на протяжении всей революции 1905 года. Именно, благодаря тому, что армия недоста-

точно поддержала рабочий класс,—революционное движение 1905 года было подавлено.

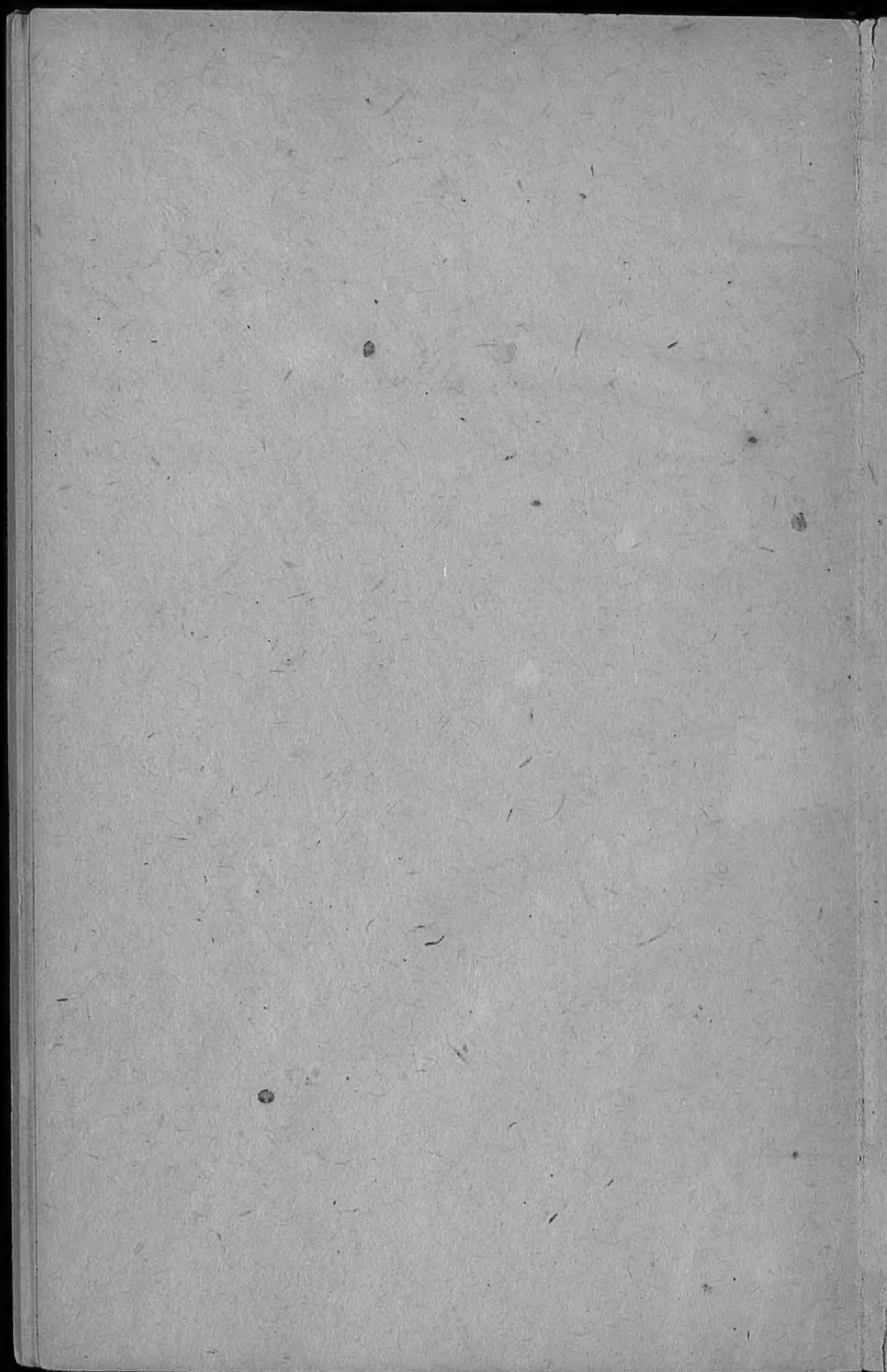
После расправы над севастопольцами, царское правительство повело решительное наступление против революционного класса рабочих. Уже 3-го декабря был арестован Питерский Совет рабочих депутатов, а 18-го декабря генерал Дубасов, с помощью Семёновского полка, жестоко расправился над Московским пролетариатом, дерзнувшим еще раз сделать попытку вооруженного восстания. После этого революция 1905 года быстро пошла на убыль.

Царь со своими приспешниками получил отсрочку до 1917 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Потемкинское восстание. 1	7
14 июля 1905 г.	"
Братание революционных матросов с рабочими	9
Как матросы встречали царских чиновников .	12
Кровавая ночь	14
Лицом к лицу	19
Новый союзник	24
Темные силы	27
Измена	31
В иностранном порту	35
В Феодосии	40
Предательское нападение	41
На чужбине	44
Севастопольское восстание	47

Cms. 45, 50-51,
52, 57-58.

Цена 25 коп.

2749

